

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л76

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Julie Anne Long

HOW THE MARQUESS WAS WON

Перевод с английского *А.Ф. Фроловой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Лонг, Джулия Энн.

Л76 Очаровательная скромница : [роман] / Джулия Энн Лонг ; [перевод с английского А. Ф. Фроловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-121338-1

Джулиан Спенсер, маркиз Драйден, — циничный аристократ, для которого даже невеста — красавица Лизбет Редмонд — всего лишь богатая наследница, чье приданое позволит ему восстановить растраченное фамильное состояние.

Однако то, чего не удалось сделать знатной леди, оказалось вполне под силу бедной гувернантке Фиби Уэйл. Каждый взгляд этой совершенно обычной девушки буквально ниспровергает Джулиана в пучину страсти — безумной, неистовой и неодолимой страсти, способной погубить их обоих...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Julie Anne Long, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers,
2020

ISBN 978-5-17-121338-1

Глава 1

Клиент, стоящий в пабе «Свинья и свисток», — зрелище вполне привычное. Нет ничего необычного и в том, что входная дверь время от времени с грохотом ударяется о стену. В конце концов, большое количество эля оказывает на мужчину определенное действие — вдруг в нем просыпаются кураж и желание плотских утех.

Поэтому, когда дверь в очередной раз грохнула о стену, никто не обратил на это особого внимания. Разговоры за столами не прервались, а дротики продолжали вонзаться в мишень. Как всегда выигрывал Джонатан Редмонд.

Но Колин опять разглагольствовал о коровах, а Чейз Эверси, сидя лицом к двери, принялся рассматривать человека, остановившегося в дверях.

Ветер, дувший с улицы, трепал полы его пальто. Высокие сапоги его были покрыты грязью. Зачесанные назад темные волосы открывали высокий бледный лоб, на котором Чейз разглядел уже поблекший синяк.

Незнакомец слегка пошатнулся и нахмурился, словно не понимая, как здесь оказался. Он медленно обвел мутным взглядом собравшихся, потом его рука скользнула во внутренний карман пальто...

Чейз замер. Он инстинктивно сунул руку в карман и стиснул холодную рукоять пистолета, не сводя напряженного взгляда с незнакомца.

Вдруг мужчина запрокинул голову и рухнул на колени.

— Колин! — выдохнул Чейз.

Едва не столкнувшись с приятелем, он перепрыгнул через выдавший виды стол и бросился к незнакомцу.

Колин устремился следом, а за ним и Нед Хоторн. Действуя весьма сноровисто, они ловко подхватили мужчину и уволокли его в кладовую за буфетной стойкой, словно это был мешок картошки. Все же бесчувственный клиент — это плохо для репутации заведения.

Если кто и обратил на это внимание, то, вероятно, решил, что это в «Свинье и свистке» — тоже обычное дело.

Приятели закрыли за собой дверь, опустили незнакомца на койку, стоящую здесь для пьющих до бесчувствия клиентов, и осторожно сняли с него пальто. Чейз и Колин когда-то воевали и умели обращаться с ранеными.

— Вы можете говорить? — спросил Колин, аккуратно складывая пальто. Старая военная привычка к порядку стала неискоренимой. Он передал пальто Чейзу, который с удивлением отметил высокое качество ткани.

— Да, — едва выговорил мужчина и глухо застонал.

Потом он открыл глаза. Они были цвета выдержанного бренди, лицо отличалось благородством и правильностью черт и казалось странно знакомым.

— Я — капитан Чейз Эверси. — Он обернулся к Колину, и тот понял, что брату нужен нож.

— Эверси. Слава богу. — Голос раненого был хриплым, но разборчивым. — Не Редмонд.

— Как интересно. Такое мы слышим нечасто, — усмехнулся Чейз. — Я тоже благодарю бога за это, можно сказать, каждый день. Но назовите себя, кто вы?

Мгновение помедлив, мужчина сказал:

— Драйден.

Колин и Чейз обменялись многозначительными взглядами. Боже правый, лорд Айсберг собственной персоной! Джулиан Спенсер, маркиз Драйден.

— Пуля? Нож? — они уложили маркиза поудобнее, Колин стал снимать с раненого сапоги. А Чейз разрезал рубашку, чтобы увидеть рану.

— Пуля.

И снова мучительный стон.

Это действительно была пуля. Она попала в плечо. Быстро и тщательно осмотрев рану, Чейз убедился, что пуля засела неглубоко. И слава богу. Значит, они смогут ее достать. Вокруг раны уже запеклась кровь.

— Кто в вас стрелял?

Драйден дышал хрипло и часто.

— Там была женщина, понимаете... пожалуйста, скажите ей...

— В вас стреляла женщина? — подал голос Колин.

Раздался негромкий стук, и дверь приоткрылась. Нед Хоторн передал Колину бренди и тряпки.

— Послал за доктором, — сообщил он, — если он вам, парни, понадобится.

И снова скрылся за дверью. Его семья владела «Свиной и свистком» уже несколько веков, и маркиз был далеко не первым, чья кровь впиталась в пыль на пороге паба.

— Мы попробуем достать пулю, Драйден, так что выпейте это. — Чейз передал раненому фляжку с виски.

— Я не... — Раненый сделал несколько глотков, поморщился от боли и одобрительно покосился на фляжку, — люблю ее, заметьте...

— Нет? — Пока брат рвал тряпки на бинты, Колин взял руку бедняги и нащупал пульс. Он был сильный и ровный, так что все оказалось не так плохо.

— Вам повезло, Драйден. Вероятно, мы сможем достать пулю и рану не придется зашивать. Но в ближай-

шем будущем вы вряд ли сможете танцевать рил. Откуда, черт побери, у вас эти ссадины на груди? И синяк на лбу?

— Ненавижу рил, — сообщил через несколько секунд Драйден, проигнорировав остальные вопросы. — Предпочитаю вальс. — Его голос был тихим, язык слегка заплетался. Боль и виски делали свое дело.

— Вот и хорошо. Пейте.

Он сделал еще несколько больших глотков.

— Она даже не хорошенькая... — Маркиз, судя по всему, непременно хотел что-то объяснить своим спасителям.

«Лихорадка?» — Колин взглянул на Чейза, беззвучно шевеля губами.

«Любовь», — ухмылкой ответил Чейз, тоже не издав ни звука.

— Хотя красивая, — мрачно проговорил Драйден. — Черт бы побрал ее глаза.

— Правда? — переспросил Колин, поддерживая разговор.

— Да, но она такая... — Маркиз покачал головой и поморщился. — У нее... — Он поднес руку к лицу, сияясь что-то показать. Но так и не смог найти слов для ее описания.

— Нос? — предположил Колин. — Родинка? Третий глаз?

Чейз нахмурился и взглядом предложил брату придержать язык.

— У вас уже бывали огнестрельные ранения, Драйден?

— Нет. Хотя было одно штыковое.

— Думаю, это вам понравится не больше.

Мужчины невесело усмехнулись.

— Даже не могу себе представить почему. — Драйден сделал еще один глоток.

— Я почищу рану, а потом... мы сделаем все остальное. Не сомневайтесь, я уже занимался этим раньше. Вы можете потерять сознание, но, поверьте, мы не тронем ваших карманов, если это произойдет. Закройте глаза, если хотите.

Драйден покачал головой. Теперь его дыхание стало частым и поверхностным.

— Не хочу. Все равно я вижу только ее.

Это было так откровенно и настолько не соответствовало моменту, что братья Эверси на мгновение замерли. И в недоумении уставились на лежащего перед ними лорда Айсберга. И все же он закрыл глаза.

— Она меня не любит, — тихо прошептал он.

Это прозвучало, как дополнение к предыдущему утверждению. Если ему предстояло умереть, не хотелось бы, чтобы это были его последние слова.

Чейз секунду колебался.

— Приведи Адама, — тихо приказал он брату.

Колин искренне удивился. Обещать раненому, что с ним все будет хорошо, при этом посылать за викарием, коим являлся их кузен Адам, — как-то нелогично. Но когда Чейз Эверси отдавал приказы, никто не осмеливался ему возражать.

Привычка, как всегда, возобладала. Колин покоился на брата, кивнул и отправился выполнять распоряжение.

Глава 2

Шестью неделями ранее

Феба Вейл распахнула дверь в магазин аксессуаров для женщин и, войдя внутрь, тут же навалилась на нее всем телом, чтобы преодолеть напор ветра и закрыть ее. Дверной колокольчик отчаянно зазвенел.

Она замерла на пороге, наслаждаясь великолепным зрелищем. Магазин Постлетуэйта в Пеннироял-Грин считался местной пещерой Аладдина. Здесь все сверкало и переливалось многоцветьем красок: повсюду были расставлены коробки с костяными и серебряными пуговицами, атласными бантами и батистовыми платками. В витринах притягивали взгляд кружевные веера и меховые муфты, мотки атласных лент и шелковых ниток. На прилавке были разложены тонкие, как лепестки роз, лайковые перчатки. Китайские шелковые шали и элегантные шерстяные капоры так и манили к себе. А в углу на полках были выставлены всевозможные шляпки — потрясающе красивые, очень-очень модные и безумно дорогие. Они чинно стояли в ряд, словно сплетницы-аристократки.

Одна шляпка была особенной, удивительной, неповторимой, при одном только взгляде на нее у Фебы трепетало сердце.

Феба очень обрадовалась — предмет ее грез все еще здесь, его никто не купил!

Но, собрав в кулак всю свою волю, она повернулась к шляпке спиной. Фебе казалось, что она чувствовала ее присутствие, словно восторженный взгляд влюбленного поклонника.

— Добрый день, мисс Вейл. Судя по всему, вы всю дорогу бежали? — приветливо спросил мистер Постлетуэйт. — А я как раз разбираю почту.

— Вы же знаете, Постлетуэйт, папа не разрешает нам пользоваться экипажем, пока не восстановят позолоту на гербе.

— Но ведь можно было бы взять карету без фамильного герба, разве нет? И тогда никто не узнает, где вы бываете.

— Только вы меня понимаете, Постлетуэйт, больше никто. Между нами всегда единоподушие.

— А когда вы выйдете за меня замуж, девочка, мы будем жить в абсолютном согласии.

— Всему свое время, Постлетуэйт. Я же должна насладиться своей молодостью.

Они улыбнулись друг другу. Оба знали, что единственное, чем наслаждается Феба, это собственными платьями, которые по несколько раз перешивает и даже перелицовывает — распарывает все швы и переворачивает ткань другой стороной, чтобы подольше поносить. Да и Постлетуэйт был старше ее на четверть века, если не больше, и к тому же абсолютно лыс, если не считать небольшой полоски волос в форме подковы на затылке.

— Сегодня ветрено, — лениво проговорила Феба.

Постлетуэйт бросил на нее внимательный взгляд сквозь очки, но почти сразу опустил глаза и продолжил разбирать почту.

— Никогда бы не догадался, — пробормотал он.

Феба хмыкнула. Она положила руки на прилавок и заглянула в висящее над ним зеркало. Да, действительно, по ней и так все было видно — щеки разругались, глаза блестят, светлые волосы выбились из-под шляпки и торчат в разные стороны.

— У меня есть для вас лондонские газеты, мисс Вейл. Здесь много пишут о моем сопернике в борьбе за вашу руку и сердце.

— Это лорд Айсберг? — спросила девушка с деланным возмущением. А ее сердце забилося чаще. — Что он сделал на этот раз?

— Поставил десять тысяч фунтов на скачках... и выиграл.

Феба презрительно фыркнула.

— Этот человек делает все, чтобы привлечь к себе внимание.

— И еще здесь сказано, что он купил перчатки в магазине «Титвейлер и сыновья» в Берлингтонском

пассаже. И теперь все высшее общество считает своим долгом тоже покупать там перчатки. А они стоят сто фунтов.

— Думаю, все высшее общество станет прыгать с Лондонского моста, если маркиз покажет пример. Причем он упадет на телегу с пуховыми перинами, а другие разобьются насмерть.

В обществе действительно поднялась большая суматоха, когда маркиз приобрел четырех вороных коней в белых чулках для своего ландо. Какое-то время на аукционе в «Таттерсоллз» цена на вороных лошадей оставалась заоблачно высокой, и владельцам приходилось ставить охрану возле своих конюшен, поскольку их крали предприимчивые цыгане. Причем отсутствие белых чулок никого не останавливало — их всегда можно было нанести белой краской, после чего модных лошадей очень выгодно продавали.

Газеты были тайным пороком Фебы. Днем она учила непоседливых юных девиц латыни, греческому и французскому языкам и истории, а ночью перед сном читала светские сплетни. Она наслаждалась, упивалась ими, проглатывала, как в свое время проглотила сказки 1001 ночи, — и те и другие казались ей одинаково фантастическими, словно были частью другой вселенной. Из газет она, к примеру, узнала, что лорд Уотерберн прославился безумными пари, двойняшки Силверторн считаются самыми шикарными невестами общества, а Лизбет Редмонд, с которой она когда-то занималась, — это вообще бриллиант чистой воды.

Но больше всего ее воображение занимал лорд Айсберг — Джулиан Спенсер, маркиз Драйден. Она знала о нем все: он предпочитал одежду только черного и белого цветов, великолепно стрелял — в этом ему не было равных. Его интересовало только лучшее, уни-

кальное, самое красивое — будь то перчатки, лошади или женщины. Говорили, что он неизменно прибегал к холодному расчету, когда речь идет о деньгах, выборе любовницы или расставании с ней. А еще ходили слухи, что он вот-вот займется поисками жены.

Он любил риск, сам участвовал в скачках, легко заключал пари на безумные суммы, и лондонские щеголи, тщетно старавшиеся за ним угнаться, нередко ломали шеи или теряли состояния.

А Драйден всегда выходил сухим из воды, и его доходы только увеличивались.

Все мужчины хотели быть похожими на лорда Драйдена.

И если верить газетам, все дамы мечтали быть с ним. Постлетуэйт закончил разбирать почту.

— Два письма адресованы в академию, и оба вам, мисс Вейл.

— Что ж, одно из них, возможно, это очередное предложение от маркиза — он очень настойчив, хотя я ему уже неоднократно говорила, что помолвлена с вами. А другое — приглашение на очередной бал.

Постлетуэйт подался вперед.

— Что вы наденете на этот бал?

Они никогда не уставали от этой игры.

— Думаю, я надену бледно-желтое шелковое платье, кремовые лайковые перчатки и ожерелье — ну, помните, то, с маленькими бриллиантами. — Феба провела рукой по шее. — И диадему, конечно. Не самую лучшую, а ту, что попроще. Полагаю, буду выглядеть восхитительно. Хотя не исключено, что я пошлю записку с извинениями и вообще никуда не поеду. Предыдущий бал был так скучен и... — Она понизила голос до таинственного шепота. — Я вам рассказывала, что случилось?

— Нет! — Постлетуэйт тоже заговорил тише.

— Так много молодых людей захотели танцевать со мной вальс, что двое из них повздорили. Один предложил другому выйти из зала и... боюсь, между ними была дуэль.

— Никогда не произносите этого слова!

— Но так и было! На рассвете они дрались на пистолетах, и один был ранен!

— Скандал!

— К несчастью, из-за меня часто льется кровь, — грустно сообщила девушка.

— Не могу сказать, что не понимаю дуэлянтов, мисс Вейл. Вы рождены, чтобы разбивать сердца.

— Сердца? Не зеркала?

Они понимающе ухмыльнулись друг другу. Ведь если Феба Вейл и была красавицей, ей об этом никто не удосужился сказать. Люди часто хвалили ее характер, который действительно был замечательным. А вальс она танцевала всего один раз в жизни — на вечеринке в здании городской ратуши Пеннироял-Грин — с прыщавым юнцом, который был или слишком застенчив, чтобы посмотреть ей в глаза, или слишком благодарен возможности созерцать соблазнительную ложбинку между грудей, и больше ни на что не обращал внимания.

Но мужчины действительно дрались из-за нее — на кулаках, — и не единожды, за что она была склонна винить слишком крепкий эль в «Свинье и свистке». Мужчины Суссекса знали то, чего не могли выразить словами: им хотелось быть рядом с мисс Вейл так же, как с пылающим очагом холодной ночью. И дистанцию они соблюдали по той же причине. От нее летели искры.

Именно эти «искры» были по большей части причиной того, что она сохранила одну по-настоящему красивую вещь — пару удивительно тонких лайковых перчаток цвета густых сливок, отделанных золотой каймой. Это был подарок от одного смелого и не слишком при-

влекательного поклонника, который открыл ей, что, да, ей нравится целоваться, и, нет, она не удовлетворится обычным простым мужчиной. Одно время она начала подумывать, не влюбиться ли ей, но тут поклонник исчез. Феба поздравила себя с тем, что он не унес с собой ее сердце. Она уже давно знала, что не следует его никому отдавать. Ее опыт показал, что мужчины всегда в конце концов исчезают.

После этого ни один из молодых людей, с которыми она знакомилась, не сумел воспламенить ее воображение и растревожить душу. Причем она искренне считала, что ею руководит не высокомерие. Совсем наоборот, она совершает акт милосердия, отказываясь выходить замуж за очередного претендента, поскольку не сумеет сделать его счастливым.

Кроме того, ее судьба вовсе не здесь. Феба знала, что, по крайней мере, одно письмо содержит информацию о ее будущем.

Дверной колокольчик снова звякнул, и в магазин ввалились две хихикающие девицы. Первым делом они, как и Феба, приналегли на дверь и захлопнули ее, потом еще несколько секунд толкались и пересмеивались и наконец заметили мисс Вейл.

И застыли. Выйдя из ступора, они резко расправили плечи, выпрямились и широко раскрыли глаза, в которых застыло ангельски невинное выражение.

— Добрый день, мисс Раньон, мисс Кэрю, — ласково сказала Феба.

— Добрый день, мисс Вейл. — Ну чем не хор ангелов?

— Ждете каникул?

— Да, мисс Вейл.

— Поедете домой или останетесь с нами в академии?

— Домой, мисс Вейл. — И снова хором.

— Вы пришли, чтобы купить подарки близким?

— Да, мисс Вейл.

Мисс Раньон несколько раз попадалась на мелких магазинных кражах, и ее измученный отец поместил девочку в академию мисс Мариетт Эндикотт, когда ей исполнилось десять лет.

В таком же возрасте туда попала и Феба.

— Я покажу вам несколько очаровательных вещей — все можно купить всего за полпенни — пуговицы, банты и все такое, — заверил девочек мистер Постлетуэйт с большой благосклонностью, словно они были изысканными леди. И он, и Феба знали, что именно такое отношение заставляет девочек действительно вести себя как леди. Фебе было отлично известно, как управляться с непослушными маленькими бунтарками — сама когда-то была такой.

Постлетуэйт вышел из-за прилавка и протянул Фебе два письма.

— Вы только взгляните на эту печать, мисс Вейл, — пробормотал он, взглядом указав на верхнее.

Он провел пальцем по печати и отдал письма.

Девушка увидела букву «R», вдавленную в красный воск.

Так!

Сгорая от любопытства, она отошла в сторону. И все она не старалась оказаться поближе к вожденной шляпке! В конце концов, любоваться ею можно и издали — и вскрыла письмо. А мистер Постлетуэйт в это время помогал девочкам выбирать подарки.

«Моя дорогая мисс Вейл,

Надеюсь, вы пребываете в добром здравии и, как всегда успешно, превращаете невоспитанных грубиянок в изысканных юных леди. Прошу извинить необычность моей просьбы, но я была бы счастлива, если бы вы смогли присоединиться ко мне в Редмонд-Хаус,

когда я туда приеду — на два дня, начиная с субботы. Мама и папа, как вам известно, сейчас в Италии, и мама считает, что у меня не будет во время этого визита надлежащей компаньонки или подруги. Моя кузина, мисс Вайолет, недавно стала графиней и, вероятнее всего, будет в Лондоне с супругом. Мама с радостью оплатит все ваши расходы. Тетя Редмонд тоже одобряет такое решение. Кроме того, у меня есть потрясающая новость, которой я хотела бы с вами поделиться. Расскажу все при встрече. Прошу вас, приезжайте. Искренне ваша,

Лизбет Редмонд».

Так, так, так.

Феба одно время была учительницей Лизбет, племянницы Джосайи и Фаншетты Редмонд, кухни всех остальных Редмондов, живущих во Франции. Ее главной задачей было научить девочку французскому языку. Сама Феба свободно говорила на пяти языках и была опытной учительницей. Однако Лизбет категорически не желала учиться. Но во всем остальном она была милой и компанейской девушкой. Именно во время двухмесячного пребывания с Лизбет Феба узнала, что существует тонкий бледно-желтый атлас и диадемы. Оно же стало косвенной причиной того, что Фебу однажды поцеловал мужчина (знай об этом Редмонды, они бы ни за что ее не пригласили), равно как и ее решения покинуть страну.

Живя в такой семье, как Редмонды — а они были настоящей дружной семьей, — Феба особенно остро чувствовала отсутствие собственных фамильных корней — у нее не было дома, она никому не принадлежала, ее никто не ждал, и никому она не была нужна. А значит, у нее никогда не будет того, чем обладают Редмонды, даже не осознавая этого. Девушка поня-